

ДЕРИВАЦИОННЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ИХ ВИДЫ

Деривационные отношения в языке рассматриваются в таких параметрах, как системно-уровневая организация лингвистических единиц, закономерности формирования типичных синтагм, актуализация функционального статуса единиц различной уровневой соотнесенности, взаимообусловленность лексической деривации и синтагматической дистрибуции.

Ключевые слова: языкознание, узбекский язык, словообразование, формативно-деривационные отношения, композитивно-деривационные отношения, морфонологические деривационные отношения, семантические деривационные отношения.

Поскольку языковые дериваты реализуются в тесной связи с различными уровнями, синтагматические отношения, порождающие данное явление, должны быть определены в соответствии с внутренними закономерностями исходного уровня. И тут, по нашему мнению, плодотворной может оказаться теория Д. Н. Шмелева об эпидигматических или деривационных отношениях языковых единиц [13. С. 194]. Но Д. Н. Шмелев этот вопрос рассматривает в общем плане, поэтому по его теории деривационные отношения четко не разделяются.

Известно, что в основе горизонтальных связей компонентов языковой деривации лежат микросинтагмы, которые актуализируют деривационные отношения различных типов единиц в соответствующих уровнях. При этом языковые микросинтагмы, в отличие от формирующихся в результате свободной речевой комбинации языковых единиц, характеризуются наличием твердых правил, типичностью высказывания в памяти носителей языка [10. С. 157].

По мнению М. Я. Блоха, синтагмы, образующиеся на уровне слова, называются «внутренними синтагмами», и эти синтагмы различаются по следующим параметрам: 1) композитивные синтагмы, отражающие отношения внутри сложных слов, 2) дериватно-формативные синтагмы, свойственные простым словам, 3) флекционно-формативные синтагмы – формы слов [2. С. 29].

Действительно, любая синтагма – это результат синтагматических отношений языковых единиц. Но так как синтагматические отношения предполагают линейную последовательность языковых единиц, то это отношения нуждаются в дополнительных разъяснениях с учетом деривационных закономерностей языковых единиц. Деривация языковых единиц

реализуется в тесной связи с различными уровнями в виде синтагматических отношений. Поэтому результаты синтагматических отношений должны определяться в соответствии с внутренними закономерностями деривации исходного уровня.

Элементы, составляющие внутренние синтагмы, М. В. Никитин [7. С. 8] называет «контенсивными единицами». Исходя из функциональных характеристик уровней единиц, они подразделяются им на четыре вида: «дистинкторы, фиксаторы, номинаторы и коммуникаторы». По М. В. Никитину, «дистинктором является такая единица, которая способна различать смысл в составе единиц высшего порядка, но сама по себе не соотносится каким-либо концептом» [7. С. 8]. К числу таких элементов относятся фонемы, напр.: в таких словах как ‘ур’, ‘ўр’ ‘бить, косить’ фонемы ‘у’ и ‘ў’ имеют статус дистинкторов.

К фиксаторам относятся «те единицы, которые не только различают смысл, но и фиксируют его, т. е. соотнесены с определенными единицами содержания» [7. С. 8]. К числу таких элементов относятся морфемы. Например, в словах ‘синф’ + ‘дош’ (узб.), ‘школь’ + ‘ник’ новые значения фиксируются с помощью морфем.

Функциональные возможности фиксаторов реализуются в непосредственной связи с номинаторами, ибо во вхождении морфем в состав более высокого уровня (уровня слова) решающим фактором служит именно номинативная функция. А номинатор – это такая единица, «которая сама по себе способна актуализировать в сознании фиксируемый ею концепт». В свою очередь, функциональные характеристики номинаторов проявляются через коммуникаторские функции речевых синтагм, возникающих в результате соединения языковых единиц [7. С. 8–9].

Таким образом, контенсивные единицы имеют большое значение для интерпретации структурного состава дериватов. Причём функции данных элементов не ограничиваются границами какого-либо уровня. Развивая взгляды М. В. Никитина на функциональность языковых единиц, можно утверждать, что иерархические отношения учитывают наряду с обычным порядком и обратный порядок. К примеру, коммуникаторы могут использоваться в качестве номинаторов, номинаторы – фиксаторов, фиксаторы – в качестве дистинкторов. Взаимоотношение коммуникаторов и фиксаторов можно заметить при образовательном процессе сложных слов и фразеологических единиц, так как в основе этих языковых единиц лежат свободные словосочетания и даже предложение. При образовательном процессе сложных слов номинаторы являются первичными структурными компонентами. Компоненты сложных слов после получения статуса языкового явления претерпевают качественное изменение и приобретает качество фиксатора.

Но все виды фиксаторов не могут применяться самостоятельно, вследствие чего в источниках их называют «формативами» [6. С. 558]. Опираясь на этот опыт, мы сочли возможным называть деривационные отношения, возникающие при участии таких фиксаторов, *формативно-деривационными*. Реализация этого отношения опирается на морфологический уровень языковых единиц и предполагает обычный порядок иерархичности: (узб.) ‘синф’ + ‘дош’ // ‘мактаб’ + ‘дош’, ‘школь’ + ‘ник’ // ‘одноклас’ + ‘ник’.

Функциональные возможности контенсивных единиц имеют особую важность при исследовании процесса образования сокращенных слов. В данном случае наблюдается обратная иерархия языковых единиц, где фиксируются: а) образование синтагматического единства в результате выполнения фонологическими дистинкторами функций морфологических фиксаторов; б) возникновение формальных образований с помощью внутренних возможностей морфологических фиксаторов; в) функционирование вышеуказанных синтагм в качестве номинаторов. Отсюда, в процессе возникновения сокращенных слов формальное образование имеет первостепенное значение, и такие слова заимствуют семантическую основу из сложных существительных. Поэтому между сложными существительными и их сокращенными вариантами всегда сохраняются синони-

мические отношения: (узб.) ‘БАМ’ – ‘Байкал Амур магистраль’ // ‘Байкало-Амурская магистраль’.

Вместе с тем, хотя подобные деривационные отношения связаны со сложными существительными, производные номинаторы не имеют отношения со своей основой (сложными существительными). Дело в том, что при использовании дистинкторов в функции фиксатора преобладают экстралингвистические факторы, вызывающие тенденцию к экономии средств, сжатости, лаконичности.

Синтагматическая последовательность, возникающая при употреблении дистинкторов в функции фиксатора, также опирается на деривационные отношения, благодаря которым в языке возникают формальные образования. По этой причине данный вид деривационных отношений целесообразно квалифицировать как *морфонологические деривационные отношения*.

В качестве одного из синтагматических процессов, обеспечивающих возникновение вторичных лексических единиц, можно указать на явление, обозначаемое в лингвистике термином ‘синтаксический способ словопроизводства’. Основой для возникновения таких дериватов служат свободные конструкции, и реализация подобных процессов опирается также на функциональные возможности лингвистических единиц. При этом сложные слова входят в ярус слова благодаря следующим функциональным, структурно-семантическим изменениям свободных единиц, выполняющих функцию коммуникатора.

1. В результате трансформации свободных словосочетаний в сложное слово компоненты, выполняющие роль коммуникатора в свободных конструкциях, меняются функционально и выступают в качестве номинатора. Подобное функциональное изменение происходит в связи с десемантизацией и лексикализацией словосочетаний.

2. С лексикализацией свободных конструкций не всегда сразу возникают сложные слова: коммуникаторы, которые в процессе лексикализации начинают выполнять функции номинатора, на первом этапе еще продолжают сохранять свою субъективность. Лишь со временем после социального признания они получают статус явления, непосредственно возникающего в языке.

3. В результате трансформации свободных словосочетаний в сложное слово деривацион-

ные операторы, выраженные в их составе эксплицитно, получают имплицитный вид. Например, (узб.) ‘тинчликсевар’ (‘тинчлик’ + ‘ни севар’) // ‘миролюбивый’, ‘тоштешар’ (‘тош’ + ‘ни тешар’ // ‘каменотёс’) и т. д. Отражающаяся в сложных словах подобная деривация в источниках называется деривацией с опущенным оператором [11. С. 11].

По нашему мнению, их целесообразно именовать исходя из имплицитности деривационного оператора. Отсюда, такие сложные слова, как узб. ‘тинчликсевар’, ‘тоштешар’ правильнее называть лексическими дериватами с имплицитным оператором, а сложные слова, возникающие на основе сочетаний типа определяющее-определяемое (узб.) ‘ўқ илон’, ‘ўқ илдиз’, ‘карнай гул’, ‘тош кўмир’, – дериватами с нулевыми операторами.

4. После того, как сложные слова занимают место на уровне словарных единиц, номинаторы, являющиеся их структурными компонентами, претерпевают известное качественное изменение: компоненты, играющие роль номинаторов, получают статус фиксатора. По этой причине компоненты сложных слов определяются, в отличие от компонентов словосочетаний, как морфема [4. С. 173].

В. И. Кодухов по этому поводу пишет так: «Существенной особенностью словообразовательной модели является ее промежуточный, связующий характер: она включает производные слова в морфологическую систему языка, его частеречные разряды и группы; она в то же время включает вновь образованное слово в лексико-семантическую систему языка, его лексико-семантический разряд и группу» [4. С. 44–47].

Несомненно, это относится также и к сложным словам. Именно эти факторы стали причиной того, что сложные слова, будучи структурно-компаративными словарными единицами, сохраняют за своими компонентами достаточно четкую автосемантическую. Поэтому деривационные отношения между подобными компонентами вернее называть *компаративно-деривационными отношениями*.

Еще один из видов деривационных отношений наблюдается в связи с семантическими процессами. В частности, как это бывает в словообразовании, семантические компоненты многозначных слов входят между собой в деривационные отношения. Например, при фиксации в словарях какого-либо значения в переносном смысле наблюдается, что данный

смысл возникает на основе другого значения. Д. Н. Шмелев это явление называет «третьим измерением» [13. С. 263].

Ю. Д. Апресян по этому поводу пишет: «Более точно мы хотим показать, что семантические отношения между разными значениями некоторых слов могут быть подобны семантическим отношениям внутри определенного словообразовательного типа» [1. С. 175–176]. В лингвистике данному явлению стали уделять внимание только в последние годы. Это можно увидеть, в частности, на примере работ Е. В. Падучевой [9. С. 30–35], А. А. Зализняка [3. С. 14–25] и Г. И. Кустевой [5. С. 85–109].

В самом деле, в семантической деривации, как и в лексической деривации, велико значение синтагматической дистрибуции. Формирование синтагматической дистрибуции тесно связано и с процессом семантико-синтаксической валентности. Именно с помощью семантико-синтаксической валентности реализуется когнитивное значение, которое имеет место во внутренней структуре слова [8. С. 59]. Отношения, возникающие между основным и производным значениями, являются *семантико-деривационными*. В результате нивелирования связей между основными и производным значениями семантические номинаторы претерпевают качественные изменения и занимают место в парадигме дериватов с формально-семантической основой.

Список литературы

1. Апресян, Ю. Д. Лексическая семантика : синонимические средства языка. М., 1974. С. 175–176.
2. Блох, М. Я. Теоретические основы грамматики. М., 1986. С. 29.
3. Зализняк, А. А. Семантическая деривация синхронии и диахронии : проект «каталога семантических переходов» // Вопр. языкознания. 2001. № 2. С. 14–25.
4. Кодухов, В. И. Словообразовательный ярус и словообразовательная модель // Актуальные проблемы русского словообразования : тез. докл. и крат. сообщ. III Респ. науч. конф. Ташкент, 1978. С. 44–47.
5. Кустева, Г. И. Когнитивные модели в семантической деривации и система производных значений // Вопр. языкознания. 2000. № 4. С. 85–109.
6. Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 558.

7. Никитин, М. В. Лексическое значение слова. М., 1983. С. 8–9.
8. Никитин, М. В. Основы лингвистической теории значения. М., 1988. С. 59.
9. Падучева, Е. В. Глаголы создания образа : лексическое значение и семантическая деривация // Вопр. языкознания. 2003. № 6. С. 30–35.
10. Соссюр, Ф. де. Труды по языкознанию. М. : Прогресс, 1977. 696 с.
11. Турниёзов, Н. Назарий грамматикадан очерклар. Самарқанд, 1998. 48 с.
12. Турниязов, Н. Структур синтаксис асослари / Н. Турниязов, К. Турниязова, Х. Хайруллаев. Тошкент, 2009. С. 70.
13. Шмелев, Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики. М. : Наука, 1973. 280 с.
14. Ҳозирги ўзбек адабий тили. Тошкент, 1980. С. 173.